

22.08.2002

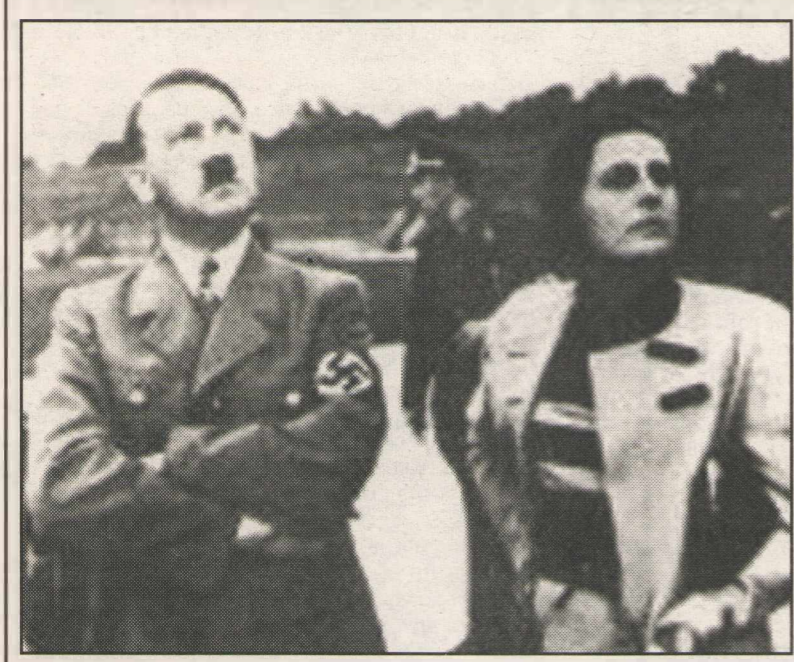
ПЕРВЫЙ ПОРНОГРАФ

Рифеншталь Лени

ЛЕНИ И СТАЛЬ

22 августа ЛЕНИ РИФЕНШТАЛЬ, личному фотографу и кинооператору Гитлера, создательнице фильмов «Триумф воли» и «Олимпия», звезде немецкого экспрессионистского кинематографа двадцатых и автору классических фотоальбомов о подводном мире и о жизни африканских племен, исполняется сто лет. Она планирует отметить этот юбилей очередным подводным погружением.

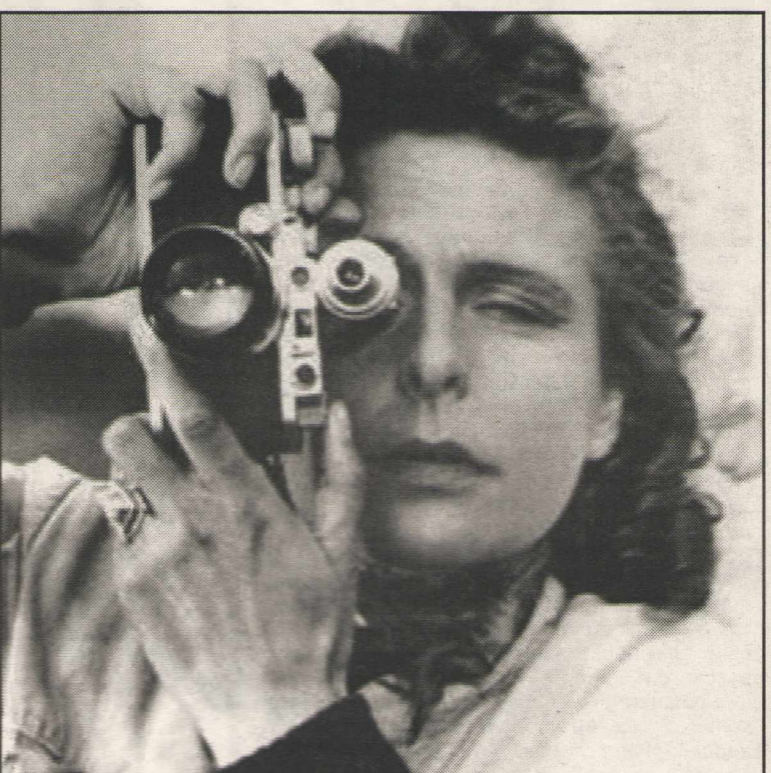
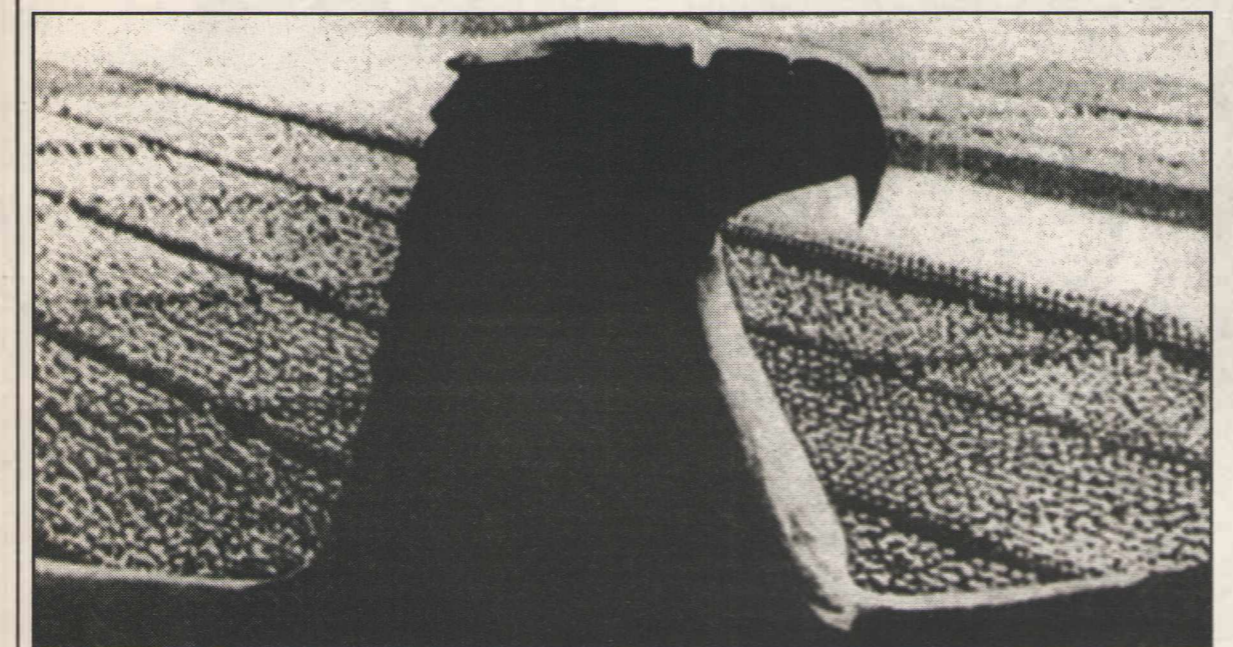

Дмитрий БЫКОВ
Я видел Лени Рифеншталь и говорил с ней. Поверить в это трудно. Благодарен я за это пресс-секретарю Санкт-Петербургского кинофестиваля «Послание к человеку» Олегу Беглецову, который выписал мне аккредитацию на встречу с ней, и популярному киноведущему, а в прошлом боксеру Андрею Шемкину, который продавал мною толпу перед входом в бильярдную гостиницы «Европейская». Там – в небольшом, по желанию Рифеншталь, помещении, в избранном кругу питерской киноведческой элиты происходила ее пресс-конференция. Рифеншталь прилетела в Россию на шестидесятую годовщину начала Великой Отечественной войны – представить свои картины, в том числе классические «Триумф» и «Олимпию». Многие тогда сочли приглашение Лени на этот фестиваль кощунством, были пикеты, де-

монстрации и протесты. Никто не понимал, что организаторы фестиваля имели в виду самое главное – они пытались рассмотреть корни фашизма, а не только клеймить его. Клеймили достаточно – но ведь фашизм вырос из того самого экспрессионизма, символом которого стала Рифеншталь; фашизм – это эволюция эстетики, а не политики. Как из всех этих романтических сказок получилось симметричное, застывшее, неоклассицистское искусство тридцатых – вот вопрос. И девяносто-восьмилетняя Рифеншталь приняла приглашение, что было ей очень нелегко. И прилетела разговаривать.
– Как она так сохранилась? – спросил я Олега Ковалова в буфете питерского Дома кино. – Душу дьяволу продала, что ли?
– Естественно, – спокойно ответил Ковалов и стал рассуждать вслух о другом: как это ей дали в 1936 году снять кинопоэму о негритянских атлетах?! Это же было время откровенного и полного расизма...
Было два великих, не побоюсь этого слова, теоретика немецкого рейха, причем оба, если вдуматься, имели к нему касательное отношение и Гитлера воспринимали весьма критически. Первый – Эрнст Юнгер, отличившийся еще в окопах Первой мировой, проживший сто три года и умерший в позапрошлом году. Вторая – Рифеншталь, которая хотя и жалует на здоровье, на мучающие ее боли в суставах и на быструю утомляемость, но ходит прямо, держится отлично и продолжает монтировать свой фильм об Африке. Эпоха нуждалась в свидетелях – вот почему им дали такое здоровье и долголетие, этим железным людям начала века.
Рифеншталь, конечно, заслужила всемирное порицание. Тот факт, что ее вытеснили из профессии, общеизвестен. Но с другой стороны, восторженный фильм о национал-социализме – вполне достаточное основание и для более жестких мер. Тем не менее Рифеншталь никому не простила. И до сих пор не считает себя виноватой.
– Черчилль в 1934 году говорил, что немецкий народ можно поздравить с таким вождем, – говорила она на пресс-конференции. – Почему я должна была быть умнее Черчилля? Защита ее выстроена безукоризненно. Она вообще говорила очень много интересного. Вопросы были самые разные, часто нелицеприятные, – она отвечала прелестным мелодичным голосом, негромким, но властным, заставляющим слушать. Корректно, четко, холодно. Ледяная дева немецкого кинематографа. Создательница классического «Голубого света», неотразимая и неприступная красавица, стройная, точеная, с маленькой грудью и прозрачными глазами. Образец германского искусства: никакой чувственности – или, вернее, чувственность подавленная, скрытая и тем более мощная.
Спрашивали ее о многом. Например: какой режим благоприятнее для художника – тоталитаризм или демократия?
– Поскольку тоталитаризм исходит из идеального представления о человеке, естественно, что он больше думает об идеале и потому серьезнее относится к культуре.
– У нас часто ставят знак равенства между Гитлером и Сталиным. Чем они отличаются для вас?
– Гитлер был более социалист, он больше думал о счастье человека труда... Он был абстрактнее. Он был романтик. Он был наделен личным магнетизмом. Конечно, я никогда не стала бы снимать фильм на Сталине. Я и о Гитлере снимала с неохотой,

после долгих уговоров, – но у него были более авангардные вкусы, чем у его окружения, мстительного и бездарного. Поэтому он считал, что снимать картину должна я.
– Что вы назвали бы главным итогом двадцатого века?
– Разочарование в возможности построить идеальную государственную систему. Крах Гитлера был крахом моих надежд. Естественно, я не знала многого из того, что происходило в стране...
– Как вы собираетесь отметить столетие?
– Подводным погружением. Сейчас работаю над картиной об Африке. Чтобы жить долго, надо любить свое дело и не оставлять его.
– Верите ли вы в идею сверхчеловека? Не означает ли она деления человечества на сверхчеловеков и недочеловеков?
– Сверхчеловек не обязательно предполагает недочеловека. Сверхчеловек – мечта об идеале, о человеке творческом и сильном. И если человечество откажется от идеалов – пусть даже они приводят иногда к масштабным трагедиям, – это будет самоубийством.
– Снимая в 1943 году романтическую сказку «Долина», вы не знали о том, что творилось вокруг?
– В 1943 году я уехала снимать этот фильм в Испанию. Это была фактически эмиграция. Я не знала очень многого из того, что потом мне рассказывали. Я не знала о концлагерях... Конечно, я ужаснулась. И даже в тридцатых, работая над «Триумфом воли» и «Олимпией», я не имела даже приблизительного представления о масштабе репрессий. Я никогда не была художником при власти, хотя власть и старалась меня использовать. Я ставила собственные эстетические эксперименты, и власть давала мне такую возможность.
– Кому вы завидуете?
– Тем, у кого ничего не болит. Больше ничто в жизни не вызывало у меня зависти.
...Лени Рифеншталь всегда любила симметрию. Томас Манн точно уловил связь между ее кинематографом и подводным миром: то же человеческое пространство, архаическая и страшная красота безудельных форм. Леверкюн из «Доктора Фаустуса» тоже очень любил подводный мир. Рифеншталь любит магию, африканские племена, раскрашенные лица и эбонитовые тела, ритуальные пляски и бубны. Это увлечение куда менее опасное, чем ее же раннее увлечение ритуальными плясками и факельными шествиями в милой ее сердцу Германии тридцатых.
Я признаю ее величие. Но меня здорово пугает это величие. Да и скучновато мне смотреть «Олимпию», правду сказать.
Автограф у нее, однако, я попросил. Она распилась четко, как напечатала, – изящным каллиграфическим почерком, бестрепетной рукой.
Когда вечером того же дня показывали «Олимпию» в зале питерского Дома кино, в зал вдруг вошла Рифеншталь. Она немного посмотрела свою картину, запрещенную когда-то во всем мире. Потом поднялась на сцену – сразу после того эпизода, в котором Гитлер обходил трибуны и жал руки зрителям.
Началась овация. Зал встал.
Я, правда, не встал. И еще человек десять остались на своих местах. Искусство искусством, мужество мужеством и даже талант – талантом. А все-таки... все-таки сделка известно с кем...
Ну его, на всякий случай. Поздравляю, конечно. Но никому не желаю такой судьбы. ■

БОЛЬШОГО ПРОКАТА

ТРИУМФ ПУСТОТЫ

Сергей СОЛОВЬЕВ
Немеркнувшее обаяние госпожи Рифеншталь притягивает и будоражит. В принципе, малая Лени – бодренькая старушка – мало кого занимает (многие мои коллеги признавались, что испытывали нешуточный шок от физического явления «той самой»). В классической Лени заложена какая-то запредельная эротика. К ней не подступиться ни с холодным обвинением, ни с человеческим участием. Лени, как зеркало, отражает всех, кто к ней бросается: будь то нацисты в самоуверении или коммунисты в самозащитном интеллектуале – того, кто сначала из контррестетических соображений признал «Триумф воли» классикой, а затем в Петербурге рукоплескал его создателю. Перед этим зеркалом приятно чувствовать сброшенный груз ненависти, созерцать собственную политкорректность и ровные ряды Третьего рейха как безупречные артефакты.
Обаяние Лени – дело неблагоприятное. Во-первых, из уважения к возрасту. Во-вторых (что похлеще,

и другое – две стороны одной медали: герои стоят на плечах бессилия и заурядности. В том, что экальтивированная девушка подставила свои натруженные в горах плечи едва знакомому лидеру НСДАП, и в том, что после его падения она вошла в творческий ступор (только увольте от разговоров насчет того, что «ей не давали»), есть своя логика. Это логика пустоты.
Почему вместо «ничто» всегда существует «некто»? Вопрос поважнее гамлетовского. Над механизмами пустоты задумывались почти все светила прошлого века. В то время как Фрейд выстраивал систему «замещений», а Эйнштейн – «измерительная» Рифеншталь заполнила «пустое место» собственной относительностью. Она показала, что идеология не требует никаких идей, что главная цель и механизм идеологии – сплошное наслаждение. Что счастье масс обесценивается массовой красотой, взятой из недр той же массы.
В этом смысле Лени Рифеншталь была никем иным, как первым порнографом, которого выпустили в большой прокат. Порнография не

137

13